

ОЛЕГ ШУБИНСКИЙ

Олег Шубинский

Олег Шубинский на каждый день

«Книга-Сэфер»

2016

Шубинский О.

Олег Шубинский на каждый день / О. Шубинский — «Книга-Сэфер», 2016

ISBN 978-965-7288-39-1

Олег Шубинский давно и плодотворно осваивает тот редкий жанр литературы, в котором до него успешно работали и Монтень и Ларошфуко, из соплеменников по еврейству – Ежи Лец, из братьев по языку – Василий Розанов. Последний наиболее близок нашему автору. И по стилистике, и по, казалось бы, сиюминутности, необязательности высказывания, и по диапазону – от откровенных физиологизмов – до высокого стиля... На первый взгляд – что в голову взбредет, то и выскажу... Так, да не так. Вчитайтесь в тексты Олега Шубинского – и вы почувствуете живой нерв наших дней, равнодушный, ранимый, но всегда ироничный и интересный взгляд мудрого наблюдателя.

ISBN 978-965-7288-39-1

© Шубинский О., 2016

© Книга-Сэфер, 2016

Содержание

Предисловие	6
Эпос	7
Ностальгия по непережитому	7
Могила моего деда	8
Кому был товарищем товарищ Лазовский	10
Пища богов – мелодрама в четырех действиях	12
Над кем господствовал господин Тмаркин	14
Любовь – антитеррор	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Олег Шубинский

На каждый день

© Олег Шубинский, 2016

* * *

Предисловие

«Эта книга была написана...» так начинаются многие предисловия. Но данная книга еще не дописана хотя писалась десять лет, она есть пишется почти каждый день на моем счету в Facebook (multinum). Кстати, прежде, чем покупать манускрипт, вы можете сходить туда, отведать.

Первая часть книги состоит из коротких рассказов, в которых я рассказываю про себя, своих близких, свои духовные истоки. Я назвал это «Эпос». Но, в отличии от древнегреческого, не все в нем высосано из пальца.

Вторая часть называется «Дневник», хотя это не в полном смысле этого слова дневник. Чаще всего ежедневная запись – это афоризм, в той или иной степени связанная с актуальностью.

В заключение из вежливости, и для того, чтобы увеличить количество строчек в предисловии, желаю вам столь же приятного, сколько полезного чтения.

Эпос

Ностальгия по непережитому

Посвящается памяти моего деда, красного командира, прошедшего три войны.

Конец двадцатых годов прошлого века. В маленьком ресторане на окраине Парижа небольшая компания русских эмигрантов справляет пятидесятилетний юбилей своего лидера, полковника Садовникова. Гражданская война давно проиграна. Уже не совсем молодые люди сидят без формы, орденов и знаков различия.

Как и каждая встреча, сегодняшний вечер приправлен горечью изгнания и чуждостью французскому обществу. Но официант вежлив, еда отменно-изыскана, водка холодна, а соседи, по-прежнему, куртуазны и задушевные.

Вдруг в ресторан входит человек средних лет в поношенном пальто, явно знавшем лучшие времена. Он направляется напрямик к столу, за которым сидит виновник торжества. Держа правую руку в кармане, он указывает слегка дрожащей левой рукой на полковника и, уже не на шутку дрожащим голосом, спрашивает: «Господин Садовников?»

Полковник не ожидал никаких подарков, но привык с честью нести свое имя и не прятаться за спины других. Он спокойно вымолвил: «Честь имею». «Убийца!» – почти взвизгивает незнакомец и выхватывает из кармана револьвер. Из вывернутого наизнанку кармана, как конфеты, посыпались патроны. Дворянки завизжали, а младшие офицеры повскакали с мест, машинально ища на боку давно уже отсутствующую кобуру. Садовников уже не раз смотрел в дуло пистолета, винтовки и даже пушки. Он медленно промолвил: «Ну что, умрем в одном месте, или будем жить, правда, далеко друг от друга?»

Все замолчали. Вдруг профессор-египтолог Картов, вертя в руках один из выпавших патронов, задумчиво говорит: «Посмотрите – холостые. Он не хочет никого убивать, он пришел пугать». Офицеры, пристально посмотрев на без пяти секунд убийцу и без шести секунд трупа, не увидели блестящих в барабане револьвера остриев пуль. Неудавшийся мститель опустил револьвер в левый карман пальто и, ссутулившись, пошел к выходу. У дверей он обернулся и выкрикнул: «Есть божий суд, сволочи!»

Белогвардейцы, молча, сидели переглядываясь. Вдруг корнет, разглядывая оброненный незнакомцем патрон, прорвал мертвую тишину своим почти юношеским голосом: «Черт возьми, профессор! Это не холостые патроны. Это пули со сточенным острием, для нанесения наибольшего урона при стрельбе с малой дистанции. Вы, профессор, вне области ваших научных интересов – бестолочь».

Могила моего деда

Я не знаю, когда точно и где конкретно произошло это, но, как папа говорил, мой дед, Илья Яковлевич Шубинский, пропал без вести осенью 1941 года где-то под Можайском. Зато я точно знаю, как погиб мой дед, хоть опять-таки не знаю, откуда знаю.

Его батальон стоял насмерть на одной из дорог, очевидно ведущих, как и все дороги, в Рим. Шли проливные дожди. Все вокруг превратилось в жижу глубиной по колено. Не о каких окопах не могло быть и речи. Но и фашистские танки не могли слезть с бетонного полотна шоссе районного значения. Они вязли в грязи и буксовали, разбрасывая во все стороны куски земли. Легкая добыча для четырех противотанковых ружей, которые с неотвратимостью судьбы дырявили легкую броню тогдашних немецких танков.

Танки все перли и перли, мой дед был снайпер. Он уже превратил в стальные костры три танка к тому часу, когда появился вражина – Ме-109. Он вынырнул из-за леса, и с первого захода стал методично расстреливать русских солдат, которым некуда было бежать или прятаться. Пока враг не расстрелял весь боезапас, было убито и ранено более двадцати ополченцев.

Выжившие с облегчением смотрели на то, как «Мессер» скрылся за лесом. Мой дед был на вершине развития нашей семейной болезни – циклотимии. Он стрелял без промаха, грел едким юмором замерзающие от ужасов войны сердца пехотинцев, и даже предсказывал будущее. Так у нас, Шубинских, протекает маниакальное состояние. Илья Яковлевич сказал однополчанам: «Маскируйтесь, как можете, кровосос вернется через полтора часа». А куда прятаться, когда кругом хлупает грязь.

Сутулясь и покашливая в кулак, к моему деду подошел капитан и говорит: «Илья Яковлевич, тебе больше всех сейчас удача прет. Мы тебе добавим везенья до твоего «больше не лезет». Ты должен этот стервятник сбить. А то он нас всех до одного положит. У тебя один шанс, один выстрел. Либо завалишь урода, либо ты урод и все мы трупы. Рванут фашистские танки по этой дороге в подбрюшье Советского Союза давить наших баб и детишек. Далеко твое Голосково, не на пути группы армий Центр, но и туда доползут эти тараканы. Покажи, как силен твой Бог.

Моему деду было 42 – расцвет мужественности и продуктивности человека. Он не сомневался ни секунды. Из четырех ружей взял самое неизношенное, тщательно выбрал самый симметричный патрон, хлебнул из фляги батальонного сквалыги грамм тридцать водки, и начал принимать удачу из глаз русских мужиков, добровольно ушедших на фронт, защищать свои духовные ценности, которых, к слову сказать, было немало.

Самолет появился на пять минут раньше, чем ожидали солдаты. Дед был не совсем готов. Пехотинцы попадали в грязь, а Илья встал во весь рост с противотанковым ружьем на перевес. Его указательный палец дрожал на спусковом крючке. Немец был не дурак, он сразу увидел стоящего солдата и понял, что тот хочет его сбить. Летчик саркастически ухмыльнулся и начал пикировать на деда, что последнему было и нужно.

Дед знал, что шансы малы, и обратился к Богу, существование которого всю жизнь отрицал. Диалог между ними длился одну-две секунды, хоть вместил в себя тысячи слов. Вкратце, Бог поставил мужчину перед выбором: ты сейчас погибнешь и твой сын в твоём теперешнем возрасте получит два инфаркта, но ты собьешь самолет; или ты выживешь, но «Мессер» до темноты будет расстреливать твоих однополчан. У деда не было лишнего времени решать эту дилемму, но он выбрал точный выстрел.

«Мессер» пикировал на маленького человечка и палил из всех своих трех пулеметов. Дед начал поднимать ружье навстречу супостату. Но тут две пули пробили ему грудь, швырнув его

на землю. Когда он падал, ружье задралось вверх, и дед рефлекторно нажал на курок. Ответ советской удачи на совершенство произведения немецкой военной промышленности превратил в мочалку хвостовое оперение самолета. Через десять секунд после смерти моего деда, вражеский истребитель завалился в кусты.

В тот же день, как рубильником, выключило дождь. Через два дня почва настолько высохла, что можно было копать могилы. Тогда было не принято писать на табличках фамилии погибших. Было не ясно, чем кончится война, и все боялись мести родственникам. Политрук настоял на том, чтобы на табличке над могилой деда написали одно слово – «Еврей».

Кому был товарищем товарищ Лазовский

Мой дед со стороны матери, Абрам Соломонович Лазовский, был убежденный коммунист. Ему нужен был партбилет для того, чтобы реализовывать свои взгляды и идеи, почерпнутые в своем большинстве из работ Маркса-Энгельса-Ленина. Ему красная книжица была нужна не для доступа в спец распределители. Он был убежден, что добился «от каждого по возможностям, каждому по труду», и борется, чтобы наступило «от каждого по возможностям, каждому по потребностям». Только 1963 году он начал сомневаться в идеалах коммунизма. Зная, что скоро умрет, он лежал на больничной койке и думал над своей жизнью, видимо ища свои ошибки, чтобы их не повторили уже взрослые дети. Не знаю, к каким выводам он пришел, но его последние слова он произнес при своей жене: «Никому, никому не верю!». Сказав это, он испустил дух, а моя бабушка еще несколько минут не могла понять, что он умер, и много-много пыталась его убедить, что так нельзя и все утрясется.

Но я хочу рассказать о том, что было более чем за двадцать лет до этого, во время Финской компании 1939–1940 годов. Когда сталинская шайка погнала советский народ отнимать у финского народа Карелию, мой дед был отцом трех маленьких детей. Но он не стал заламывать руки и лить слезы, получив повестку, которая его призывала стать политическим руководителем батальона, направлять мысли и чаянья трехсот коммунистов и беспартийных.

Во многом эта война была позорной. И не только в том, что великий Советский Союз вероломно напал на маленькую и скромную Финляндию. Погибло более ста тысяч советских солдат, а большевики так и не выполнили свою задачу – полностью поработить Финляндию. Часть позора досталось и деду – его батальон попал в окружение.

Они долго шли по полу заросшей лесной просеке. Карта была неактуальная, разбитые компасы показывали в разные стороны, никто не знал, где находятся свои, а где чужие. Вдруг из леса вышел невысокий мужичок и завел беседу на чистом, без акцента, русском о загнивании капитализма и желании всех прогрессивных сил человечества влиться в дружную семью социалистических народов. Когда ему объяснили, что сейчас вопрос стоит о том, чтобы не влиться в стройные ряды небожителей, мужичок поцокал языком и предложил нашим вывести батальон к нашим полкам. Командир батальона обрадовался и скомандовал следовать за финским товарищем.

Мой дед был не только очень умным, но и довольно прозорливым человеком. Ему что-то не понравилось в проводнике. То ли идеальный выговор, то ли готовность рисковать жизнью ради враждебных его стране военнотружеников, то ли как во время зимнего мороза потели виски само назначенного проводника. Дед попытался убедить офицеров пойти в обратную сторону от указанного финном направления. Но офицеры стали говорить, что финн явно сознательный, а Абрам Соломонович мнительный, как все евреи. Нужно двигаться, чтобы дойти, пока не стемнело, а то ночью превратимся в сосульки на этом морозе.

Дед подумал и сказал: «Я не могу объяснить, откуда у меня на сердце такая тяжесть, но моя интуиция мне подсказывает, что надо здесь закопать партбилеты и командирские книжки». Вы себе не представляете, что такое было потерять партбилет. Я только смутно представляю, но сейчас вам расскажу. За потерю партбилета исключали из партии и переводили на менее оплачиваемую работу – в сибирские лагеря лесорубом. А за потерю командирской книжки разжаловали до солдата и отправляли в штрафбат. Лучше лесорубом. Но мужики поверили дедовой интуиции и закопали документы.

Через пару часов ходьбы проводник сказал, что надо остановиться на отдых, а сам пошел в лес оправиться. Через полчаса стало ясно, что он не вернется, или вернется не один. Командир догадался, что, скорее всего, батальон оказался в ловушке. Он приказал срочно бежать в обратную сторону. Солдаты, неуклюже топая, ринулись назад по просеке. Но они добежали

до ближайшего изгиба дороги и остановились. На них смотрели дула станковых пулеметов. С казенной части эти пулеметы держали финны, лица которых навряд ли можно было бы назвать дружелюбными.

Оказывать сопротивление было бесполезно. У наших было мало патронов, а лес ошетили сотнями карабинов в руках финнов, которые, по слухам, не мазали. Финны отличались любовью к спорту, и, несмотря на то, что тогда биатлон не был олимпийским видом, им не составляло большого труда положить одним залпом весь батальон.

Финны отобрали у советских оружие и построили их в одну шеренгу. Сказали, что хотят разделить военнопленных на привилегированный барак и обычный. Поэтому они приказали выйти из строя офицерам и коммунистам. Дед прошипел: «Всем стоять!» Опять интуиция, и опять мужики поверили. Позже выяснилось, что коммунистов и офицеров финны расстреливали на месте. Хозяева площадки обшмонали всех военнопленных в поисках командирских документов. После пытались колоть солдат, но те не кололись.

Не знаю, почему никто не попал в привилегированный барак (читай на небеса), но думаю, что в этом была неоспоримая заслуга политруководства в исполнении моего дедушки. Вообще, где бы ни был мой дед, он пользовался большим уважением окружающих. В частности, в финском лагере для военнопленных.

Там пленных солдат гоняли на физически тяжелую работу. Норма выработки была хоть и высокой, но вполне выполнимой. Но того, кто ее не выполнял, расстреливали. Дед мой был не атлетического телосложения, он с трудом справлялся. В какой-то момент он просто заболел так, что с трудом мог дойти из барака до сортира. Русские мужики перетерли ситуацию, и пошли к лагерному начальству. Предложили следующее: они выполняют за деда норму, а он по вечерам учит их бухгалтерии. Уроки были необходимы, чтобы не показать, что Абрам Соломонович духовный лидер барака, так как финны считали это зачатком коммуны, и расстреливали главу общака.

Потом эти уроки сыграли хорошую службу ученикам. В разрушенной стране не хватало не только мужчин, но и специалистов. Некоторые заводили по две семьи, а дедовых учеников избирали в председатели колхозов, потому, что они умели вести бухгалтерию и разговаривать по-научно-коммунистически с упрямыми из райкома. Надо отметить, что и учитель остался не в накладе, кроме того, что не остался в холодной финской земле. В голодные пятидесятые годы на дедовом семейном столе то и дело появлялись то трехлитровая банка меда из далекой сибирской пасеки, а то и огромный, по бабушкиным представлениям, копченый окорок из украинской полуголодной(!) деревни.

В заключении я скажу, что мой дед не был стандартным коммунистом, и не был евреем, соблюдающим все заповеди. Но во всем остальном он был человеком, каким должен быть еврей, и гражданином, каким должен бы быть коммунист.

Пища богов – мелодрама в четырех действиях

Действие первое – Дон Кихот Краснопресненский

В 1969 году мой отец, восходящая звезда советской экономики во втором полутяжелом весе, попытался в одиночку научить Госплан не строить Потемкинские деревни.

Конечно, вменяемые люди его загрызли. Папу, физически здорового, спортивно закаленного, мужчину свалили два обширных инфаркта. Он даже в клинической смерти побывал. Мама была начеку, забила тревогу, и врачи вернули его с того света.

Действие второе – Маресьев – инвалид второй группы и Летучий Голландец.

Несколько лет после своей временной смерти отец не мог толком работать. Он останавливался, задыхаясь, каждые сто метров пути на службу, не мог сосредоточиться, сильно уставал, даже, после несложного задания.

Вообще врачи дали ему лет пять прожить, и уверили маму, что он никогда не вернется и к половине прежней работоспособности. Все вело к тому, что папе дали вторую группу инвалидности без права на работу.

Папина пенсия приносила в семью 50 рублей в месяц, и мамина ставка младшего научного сотрудника в Институте Железнодорожной Гигиены оплачивалась 120 рублями.

Мама любила ездить в командировки. Во-первых, суточные были существенным подспорьем семейному бюджету. А во-вторых, я в отдельном рассказе опишу другие причины.

Чтобы вы правильно поняли 200 рублей на четверых человек в 70е годы, это было довольно мало. Конечно, нам помогали. Например, моя бабушка Стефанья Яновна, мамина мама, после папиных инфарктов каждый день вставала в 4 утра и ехала на электричке в какое-то село, покупать свежие яйца для папы. Как сказал врач, должны были зарубцеваться разрывы сердечной мышцы.

Действие третье – Пир

Один из последних дней маминой командировки. Кончилась наваренная и после замороженная снедь, которую мама приготовила, чтобы мы не испортили свои желудки едой всухомятку, пока она отсутствует.

Два птенца, я и моя старшая сестра, разевая клювики, пищат, что хотят позавтракать. Отец заглянул в холодильник, в кухонные шкафы, и не нашел ни чего убедительного. Тогда он достает литровую пирамидку молока (10 копеек) и нарезной белый батон высшего качества (25 копеек). Он торжественно декламирует: «Сегодня мы будем есть Пищу Богов».

Отец разливает по трем кружкам молоко, разрезает на четыре части буханку, четверть кладет обратно в хлебницу, а остальное, после некоторой борьбы за заветную горбушку, раздает участникам пирушки.

Мы с радостью крошим хлеб в молоко, предвкушая праздник вкуса. Ведь так едят боги на олимпе. Какие мы счастливые, что наш папа выкрал секрет божественной трапезы. И мы, хоть горячо и за дело любимые, но, все же, смертные, сейчас, когда хлеб намокнет, вкусим эту, всеми желанную, Пищу Богов.

Для зануд реалистов скажу, что это незатейливое блюдо имело и более прозаичное название – тюрка.

Действие четвертое – Денег больше, действующих лиц меньше.

Отец умер в 2001 году, прожив после инфарктов 32 года из пяти, что отпустили ему врачи.

Я живу в холостяцкой квартире один, зарабатываю достаточно на то, чтобы питаться, чем захочу, включая осетровую икру. Я могу каждый день на завтрак кушать тюрьку. По сути дела и пищевой ценности тюрька мало отличается от хлопьев с молоком, а их едят на завтрак миллионы.

Но я не ем тюрьку каждый день, хоть до сих пор очень люблю. Как же, это не примитивная тюрька, это Пища Богов. Чтобы праздник выжил, он не должен повторяться каждый день. Я ем Пищу Богов пару раз в месяц.

Да благословенны будут мои покойные родители, да придут они в райских куцах, и пусть все, что они пьют и едят, будет Пища Богов, которая обычно не перепадает душам смертных. Вы научили меня доброте и мужеству, и я постараюсь передать своим детям уверенность в том, что даже если нет денег на масло, всегда, всегда есть Пища Богов, которой можно утолить любой голод.

Над кем господствовал господин Тамаркин

В родной деревне в 50 километрах от Челябинска его звали «Господин Тамаркин». Именно «Господин», не «товарищ» и не «гражданин». Семейная легенда гласила, что они ведут род от бывшего графа Тамаркина, который в последней четверти девятнадцатого века попал в Сибирь и лишился всех титулов зато, что в пылу ярости забил насмерть хлыстом управляющего своей усадьбой. Вызвало этот гнев не постоянное воровство, а то, что управляющий спьяна изнасиловал пятнадцатилетнюю крестьянскую дочь. Но, что особенно страшно, он заразил ее сифилисом. Так как тогда не было антибиотиков, болезнь ставила крест на девичьих мечтах о муже и детях.

Но, может быть, Тамаркины так въедливо и грамотно вели хозяйство, что их сам Бог велел называть «господами». Так или иначе, когда формировались знаменитые Сибирские дивизии, из их деревни призвали Господина Тамаркина и его друга Ивана. Тот и разболтал эту, тогда не самую почетную, кличку – Господин. Тамаркин отличался не только недюжинной силой и цепким, ясным и острым умом, но и некоторой аристократичностью в поведении. Как-то не верилось, что этот мужик ходил один, вооруженный только ножом, на медведя. Короче, в роте его тоже все звали Господин Тамаркин.

Дивизия Тамаркина формировалась в Челябинске и была очень хорошо экипирована. На каждые десять солдат приходилось по четыре автомата ППШ и шесть карабинов Мосина. А еще сотрудники Челябинского тракторного на сэкономленные ресурсы (рабочее время, сталь, электричество) выковали некоторое подобие бронежилетов для бойцов подопечной дивизии. У этого бронежилета, который я буду в дальнейшем называть «кираса», кроме всего прочего был один существенный недостаток – он весил почти сорок килограммов. Так определили Челябинские инженеры толщину, все-таки не самой лучшей стали, чтобы ее не пробивали вражеские пули.

Челябинская дивизия перебрасывали с Дальнего Востока под Москву поздней осенью, и сибиряки захватили с собой лыжи, так как каждый из них охотился круглый год, и по снегу мог бежать километры за раненым зверем. Но когда они попробовали побегать в кирасах по снегу Средней Полосы, их результаты сильно разочаровали. Тяжелые лыжники проваливались в снег, потому, что наст был не такой прочный, как в Сибири, а солдаты были намного тяжелей, чем охотники из-за кирас, оружия и полного боекомплекта. Большая часть бойцов сразу отказалась от кирас, справедливо рассудив, что из-за медленного хода они более подвержены вражескому огню, и шансы схлопотать пулю выше кирасы слишком велики. Господин Тамаркин кирасу однако не бросил.

Самым страшным врагом красноармейцев в эту зиму были пулеметы, в изобилии имеющиеся у противника. Сибиряки выработали удачную тактику атаки на боевые порядки немцев. Дело в том, что эффективная дальность стрельбы ППШ была 200 метров, а из карабина охотник мог отправить к праотцам пулеметчика с расстояния 400 метров. В принципе, если бы были оптические прицелы, то и 600 метров был бы не предел. Но оптики в их дивизии ни у кого не было. Так автоматчики и вооруженные карабинами солдаты бежали на пулеметы, не стреляя. Они падали и вставали, а иногда не вставали, пулеметчики противника тоже знали свое дело. Когда сибиряки добежали на лыжах до расстояния 400 метров от вражеских укреплений, солдаты с карабинами падали в снег и, немного отдышавшись, начинали хладнокровно и расчетливо гасить врагов, начиная со снайперов и пулеметчиков. В это время автоматчики на большой скорости скользили в пространство между пулеметами, чтобы не закрывать сектор обстрела для охотников. Когда они сокращали расстояние до врагов до 200 метров, они открывали шквальный огонь по немецким окопам. Очень тяжело бежать на стреляющего противника и не открывать ответный огонь, но ни один сибиряк не потратил ни одного патрона,

стреляя за пределом эффективности своего оружия. Так наступали сибиряки, неся потери, но отбрасывая фашистов все дальше и дальше от столицы.

Девятое января 1942 года застало батальон Тамаркина у одной из деревень под Клином. С утра у них было совсем мало патронов, и воины лежали в вытоптанных в снегу ваннах и молились о том, чтобы фашисты не пошли в контратаку. К полудню привезли патроны, но только для ППШ. Снабженцы сказали, чтобы еще неделю ничего другого не ждали. Сибиряки решили, что застряли здесь надолго, и готовились под прикрытием темноты строить нужники.

Но тут майору, командиру батальона, по войсковому телефону позвонил начальник штаба дивизии. Он стал требовать немедленного захвата деревни и импровизированной взлетно-посадочной полосы для «Юнкерсов». Командир батальона начал возражать. Тон дискуссии все поднимался и поднимался, и в какой-то момент майор прочеканил, что генерал может дать приказ его расстрелять, но командир батальона не даст приказа своим подчиненным идти под расстрел на вражеские пулеметы без патронов. Генерал после долгого молчания ответил спокойным голосом, что если майор не подчинится приказу, его, конечно, расстреляют, но он хочет его попросить, как мужик мужика, подчиниться. Ситуация такова: с обсуждаемого аэродрома немцы могут долететь до Москвы с полутонной бомбой под брюхом, их в нескольких хорошо спрятанных и охраняемых складах в окрестностях, грубо говоря, до хрена. А вот с более удаленных аэродромов Юнкерс может взять только 250 и 50 килограммовые бомбы, а они, по сведениям разведки, на исходе. У генерала жена и трое детей находятся в Москве, Сталин решил, что так генерал будет защищать родину упорнее. И генерал каждый день смотрит как «Юнкерсы» над головами солдат и офицеров летят бомбить московские жилые кварталы. Они даже не пытаются найти военные склады и штабы, они знают, что для большинства русских больнее, когда подвергают опасности его родных. Генерал каждый день звонил своей жене в Москву проверить все ли живы, а вот сегодня никто ему не ответил. Если они не перепашут эту гребанную взлетно-посадочную полосу, сотни москвичей вернутся с войны и не найдут своих домов и близких. Майор помолчал три секунды и сказал, вдруг помолодевшим, голосом: «Есть перепашать эту гребанную взлетно-посадочную полосу!»

Майор созвал офицеров, и они начали обсуждать, как захватить деревню и не положить весь личный состав батальона. Они подсчитали боеприпасы, и оказалось, что для карабинов осталось по 2–3 патрона на ствол. После непродолжительных споров решили атаковать так: бойцы идут парами, впереди солдат в кирасе, но абсолютно без оружия и амуниции, чтобы быть максимально легким для прокладывания лыжни с максимальной возможной скоростью. Ведомый должен был бежать, дыша в затылок ведущему, прячась за ним. Второй нес два автомата, карабин и кучу дисковых магазинов для автомата. Так они должны были добежать до воображаемой отметки 200 метров, а там разобрать оружие и боеприпасы и открыть кинжальный огонь по позициям противника. Если же кирасира валила вражеская пуля, то второй залегал с карабином, и, тщательно целясь, расходовал свои два-три патрона на подавление вражеских пулеметчиков и снайперов.

Как я и рассказывал, Господин Тамаркин свою кирасу не выбросил, а его друг был более щуплым, и кираса была ему непосильной ношей. Они образовали пару. В сумерках, по команде осветительной ракетой, сибиряки побежали по несжатому полю в сторону почти непрерывной линии огоньков вражеского стрелкового оружия. Пара Господин Тамаркин и Иван скользила по снегу первой в ряду бойцов, хотя и другие бежали не медленно. Тамаркин получил, отправленное четыре месяца назад, письмо жены, в котором та писала, что родила сына. Мужчине представлял, что он несется по родной тайге с подстреленным кабанчиком на плечах и торопится подоспеть домой к ужину. «Вот война кончится, по тайге набегаюсь», – думал он.

Пули перемещались в пространстве с такой плотностью, что, казалось, воздух пропах свинцом. Первая пуля попала в грудь Господина Тамаркина. Она не пробила кирасу, но сбила солдата с ног. Он быстро поднялся, чтобы не оголить бескирасного напарника. Еще две пули

попали в кирасу, а Господин Тамаркин также быстро поднимался и продолжал двигаться в сторону вражеских позиций. Но на расстоянии примерно 300 метров от фашистов, выпущенная снайпером, пуля попала ему в голову.

Иван упал за телом друга и потратил сорок секунд на то, чтобы смахнуть слезу и отдышаться. Потом он аккуратно положил карабин на кирасу мертвого земляка как на бруствер. Сказал спасибо другу, что он был мужчина большой и тяжелый, и пули, попадающие в кирасу, гасили свой импульс, не мешая целиться. Иван с полной самоотдачей сотворил три выстрела. Два пулемета немцев замолчали. Затем побратим Тамаркина взял ППШ и четыре магазина к нему и ринулся на врага, рыча от ненависти и горя. Пуля того же снайпера свалила его через девяносто метров.

Я не буду рассказывать дальше, как сибиряки освободили деревню и распахали взрывчаткой взлетно-посадочную полосу. Батальон потерял больше половины личного состава. Но не на следующий день, и не месяц спустя из этого сектора «Юнкерсы» не летали бомбить Москву.

Остальные однополчане Тамаркина погибли в июле 1942 года, когда их дивизия стояла, в буквальном смысле, до последнего солдата на защите горловины Ржевско-Вяземского выступа от фашистских танков, неумолимо замыкающих окружение советских армий. Благодаря им, вырвалось из котла около семи тысяч советских военнослужащих.

Стоит упомянуть, что я рассказал про 371 стрелковую дивизию, сформированную в основном из семей вольнопоселенцев, бывших каторжных и политических заключенных. Вот такие сукины дети были эти потомки декабристов и народовольцев.

Любовь – антитеррор

У этой истории три части, которые разнесены по времени на двадцать один год, а по пространству на четыре тысячи километров. Я хочу начать эту сагу с 1985 года, когда мне было 17, а милой Оленьке 15. Я был кардинально влюблен в нее, а она думала, что хочет в моем лице видеть старшего брата. Оленька, обчитавшись Мопассана, была склонна к инцесту, а я, черпая моральные принципы из Чехова и Тургенева, ратовал за чистую любовь, не понимая, что такая любовь чиста от здравого смысла и естественной природы отношений между мужчиной и женщиной.

Мы сидели у памятника Пушкину, Олю душил кашель, ее мучила астма. Это сейчас я взрослый мужчина и экстрасенс мирового масштаба. А тогда я не знал, что обладаю силой, а то бы просто нежно обнял ее и попытался вместе представить солнечную поляну такую тихую, что слышен бабочки полет. Но в 1985 году я начал читать Оле лекцию, что ей нельзя крутиться рядом с курящими людьми. Моя речь была настолько нудная и банальная, что Оленька встала, подошла к какому-то доброму молодцу и попросила у него сигарету. Она сунула в зубы горящую сигарету и начала, давясь кашлем, ею дымить. Вот тут-то мне нужно был заключить ее в объятия, заставить ее визжать и отбрыкиваться. Сигарета, как сыр из клюва вороны, вывалился бы из ее ненакрашенных губ, и все бы были удовлетворены и не только эстетически. Но я был юн и принципиален, я сказал, что если она не выбросит сигарету, нашей дружбе гайки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.